

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141

ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ НА ОНТОПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ А. МЕНЕГЕТТИ

М. Б. Благовестный

Благовестный Михаил Борисович, аспирант кафедры философской антропологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, pelenor@mail.ru

В статье представлена попытка воссоздать логику восприятия наследия феноменологической философии Э. Гуссерля создателем онтопсихологической теории А. Менегетти. Подчеркивается значимость критики психологизма Э. Гуссерлем для последующего развития психологии и философии. Рассматривается специфика понимания картезианской проблемы соотношения сознания и существования человека в онтопсихологии и феноменологии. Исходя из междисциплинарных исследований, предпринимаемых Гуссерлем, в особенности отталкиваясь от его решения проблемы психологизма, анализируются некоторые положения онтопсихологической теории. В процессе этого анализа выявляются противоречия, в которых находятся данные положения по отношению к таким основам феноменологии, как метод феноменологической редукции, критика психологизма, трансцендентальное эго. Через принятие Менегетти парменидовской формулы о тождестве мышления и бытия выявляется метафизическая специфика онтопсихологической концепции. Благодаря доказанному Гуссерлем тезису о релятивистских следствиях, вытекающих из психологической позиции в отношении логики, открывается возможность более глубокого прочтения онтопсихологической теории. Через обнаруживаемую склонность к релятивизму, присущую онтопсихологии, доказывается влияние психологизма на теорию А. Менегетти. На основе анализа делается вывод о расхождении между феноменологией и онтопсихологией в основаниях этих теорий.

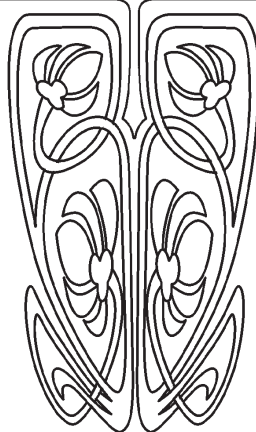
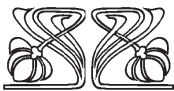
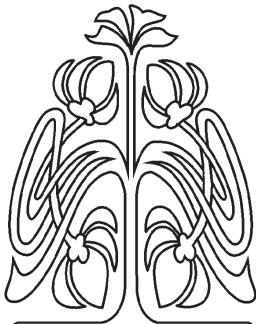
Ключевые слова: феноменология, проблема сознания, феноменологическая редукция, онтопсихология, психологизм, релятивизм индивидуальный, релятивизм видовой.

DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-4-10

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Феноменологические исследования Э. Гуссерля происходили в междисциплинарном поле философии и психологии. Его ранняя работа «Логические исследования» посвящена, главным образом, критике психологизма – авторитетной теоретической позиции, достигшей пика своего влияния к концу XIX в. Суть психологизма сводилась к тому, чтобы «сциентизировать философию, придать ей статус “строгой науки” путем перевода исследований сознания – центрального предмета европейской философии – на строго научную (эмпирическую) основу» [1, с. 237]. Более того, «согласно М. Рату, спор о психологизме в немецкой философии следует анализировать в перспективе превращения психологии в самостоятельную научную дисциплину и, соответственно, отделения ее от философии, т.е. в контексте процесса, завершающегося дисциплинарной институционализацией психологии» [1, с. 237]. Таким образом проблематика, затрагиваемая Гуссерлем, будет развиваться в дальнейшем как теоретизирование в междисциплинарном поле.

Результатами его методологических исследований воспользуются многие психологи-современники, в первую очередь К. Ясперс,

считающийся родоначальником феноменологической психиатрии, затем Л. Бинсвангер, вслед за Ясперсом совершивший антропологический поворот в психиатрии, далее Ю. Минковски, В. Е. фон Геббсаттель и даже М. Босс с оговоркой, что он ориентировался главным образом на концепцию Хайдеггера [2, с. 55–70].

Наконец современные психологи не только признают прямое влияние феноменологической концепции на развитие психологии в XX в., но даже говорят о существовании феноменологической психологии в рамках теории Гуссерля. «Феноменологическая психология Э. Гуссерля может рассматриваться как относительно самостоятельная область психологических исследований, имеющая и свой предмет, и свой метод исследования», – отмечает Г. М. Кучинский [3, с. 25].

Примечательно, что некоторые из психологов, воспринявших феноменологию, выходят в междисциплинарную область, в том числе в проблемное поле философии и философской антропологии. Для иллюстрации актуальности рассматриваемой тематики приведем примеры нескольких зарубежных статей: «Тупик жизненного мира Гуссерля: от критики психологизма к психологизации» Дж. Де Вос; «Психологизм как положительное наследие феноменологической философии Гуссерля» П. А. Варга; «Психологизм, релятивизм и самоотрицание в пролегоменах Гуссерля» П. Римкевикус; «Проблема психопатологии и феноменологии. Что жизнеспособно и что нежизнеспособно в феноменологической психиатрии» П. Рамос-Горостиза и Дж. Адан-Манес [4–7]. Степень и границы влияния феноменологии на психологию – это тема для большого фундаментального исследования. Данная статья будет ограничена прояснением лишь некоторых аспектов восприятия наследия Гуссерля в онтопсихологической концепции А. Менегетти. Представляется перспективным и важным уделять больше внимания тому, насколько последовательно феноменологическая теоретическая платформа развивается в многообразных философско-антропологических и психологических концепциях.

Проблема сознания и самосознания усиления Декарта, провозгласившего *cogito ergo sum*, становится одной из основополагающих для развития философии, философской антропологии и психологии в последующем. В той или иной степени картезианскую линию в истории философии продолжает и развивает Э. Гуссерль, чью феноменологическую философию можно характеризовать как философию сознания.

Трудность в понимании феномена сознания и самосознания также связана с определением границы изучаемого предмета, размежевающей

психологию и философию. С одной стороны, все внутренние акты мышления суть психологические акты, но с точки зрения значения и смысла мыслительные акты выступают предметом не психологических наук, а логики и семантики. На примере языков программирования, точнее на компьютерных программах как результатах применения этих языков, наблюдается возможность искусственного воспроизводства некоторых структур мышления. Эти искусственно воссозданные структуры мышления полностью утратили связь с психологическими актами, но представляют собой осмысленные результаты воспроизводства различных отношений между определенными значениями-объектами.

Приступая к изложению антропологической сути онтопсихологического мировоззрения, А. Менегетти отталкивается от проблемы аутентичности человеческого существования, понимаемой как соответствие индивидуальному метафизическому проекту (Ин-се). Решение проблемы возможно через специфически выстроенную работу с сознанием. «Онтопсихология рассматривает человека как априорное “Я”, уже заданное или призванное высшим Бытием. Это априорное “Я”, или онтическое сознание, является первоначальной структурой, которая в процессе становления в существовании должна выверяться и зарабатывать путем выборов» [8, с. 17]. Для восстановления связи с собственной метафизической изначальностью, т.е. с Ин-се, «онтопсихология предоставляет критерии онтического сознания для того, чтобы привести к зрелости сознание психологическое» [8, с. 19], т.е. тема сознания, по крайней мере при первом приближении, является базовой для этого учения.

Не только проблематика сознания и сознательной жизни человека может стать почвой для сопоставления феноменологии Гуссерля и онтопсихологии Менегетти, тем более это основание широко настолько, что параллели можно проводить со многими философами, так или иначе касающимися этого вопроса. Сам автор онтопсихологической концепции не только высоко оценивает вклад Гуссерля в развитие философской мысли и психологических наук, но совершенно недвусмысленно признает как его влияние на собственное мировоззрение: «Мысли Гуссерля оказали на меня значительное влияние <...> Я понял, что нащупал путь, предвосхищенный Гуссерлем, который искали психологи» [9, с. 93], так и концептуальную близость онтопсихологии и гуссерлевских теоретических построений: «Гуссерль теоретически разработал психологию, способную трансцендировать многочисленные разновидности исторического самополагания

человека с целью прийти к первоначальному, к онтическому моменту, – а это и есть онтопсихология» [10, с. 85]. Конечно, подобные цитаты Менегетти требуют серьезного комментирования, так как выражение «разработал психологию» применительно к Гуссерлю выглядит, по меньшей мере, странным и нуждающимся в прояснении. Однако здесь мы не будем останавливаться на том, насколько вообще вольно и, возможно, даже поверхностно Менегетти трактует Гуссерля.

В рамках данной статьи сначала кратко коснемся нескольких моментов, которые иллюстрируют очевидные противоречия тезисов онтопсихологической теории и теоретических установок феноменологии. Эти отличия наведут нас на мысль, что, действительно, существенные противоречия следует искать в более глубокой плоскости. Затем мы попытаемся проникнуть немного глубже и на менее очевидном примере показать, насколько фундаментально расходятся векторы развертывания онтопсихологической концепции в сравнении с феноменологической философией.

В работах «Основы философии», «Онтопсихологическая философия», «Интеллект и личность», «От сознания к бытию» и др., Менегетти излагает собственную философскую концепцию, яркой особенностью которой является синкретичность. Тема сознания и самосознания является одной из центральных для онтопсихологической концепции.

Обратимся к моменту, благодаря которому можно будет отчетливо показать расхождения оснований философствования Гуссерля и Менегетти. В отношении декартовского «мыслю, следовательно существую», которому так много внимания уделил Гуссерль в своих «Картезианских медитациях», Менегетти полагает, что «онтопсихология перевернула данное выражение и утверждает: *я существую, следовательно мыслю*». Его мало смущает тот факт, что это «очевидное состояние вот-бытия» только тогда таковым (очевидным) и является, когда существующее мыслит себя в качестве «Я», которое существует как «Я». Существование, которое осознает себя как существующее, уже концептуализировало само себя. По крайней мере, мы не можем что-либо утверждать или отрицать о бытийном (онтическом) присутствии или «феномене вот-бытия», если не полагаем одновременного присутствия этого феномена в сознании.

Такое вольное обращение с декартовской фразой, конечно, должно иметь последствия. В частности, возникает вопрос: не противоречит ли такая формулировка безоговорочно принятому Менегетти тезису о тождестве бытия и мышления? Однако здесь для нас достаточно того, что бытие

полагается до сознания, до мысли. В «Парижских докладах» Гуссерль утверждает совершенно противоположное Менегетти, но в той же мере согласующееся с его собственными теоретическими построениями: «*ego cogito* аподиктически предшествует для-меня-бытию мира» [11, с. 355]. Заметим, что «я мыслю» предшествует у Гуссерля не только бытию мира, существование которого взято в скобки в процессе реализации феноменологической редукции, но и бытию самого мыслящего «Я», поскольку «Я» также должно быть подвержено феноменологической редукции, приводя к представлению о трансцендентальном эго.

Другая тема для анализа – это постулирование тождества мышления и бытия в классической парменидовской формулировке у А. Менегетти. Принимая тезис Парменида о тождестве мышления и бытия, Менегетти связывает бытие и сознание в единую структуру: «Бытие раскрывается, бытие есть. Но когда оно раскрывается, оно себя видит. Сознательный интеллект (или интеллект в действии) указывает не только на рефлексию, на образ, но дает присутствовать сущему, указывает на сущее, которое вызывает активность того, кто понимает, познает» [12, с. 29] и «бытие подобно знанию, и знание подобно бытию, они оба становятся конституирующими, или они самоконституируют себя в идентичности» [12, с. 29]. Так познающий интеллект становится у Менегетти «онтической интенциональностью» – направленностью сознания на бытие, т.е. на саму истину.

Однако Менегетти не стремится прояснить парменидовскую формулу, хотя бы в той мере, в какой это сделал неотомист Ж. Маритен в работе «Об истине», напротив, он использует ее как объяснительную схему в нужный момент, что серьезно затрудняет анализ его философских построений, так как вносит в них неопределенность.

Маритен указал на смешанность истины и лжи в формуле Парменида: если мышление и бытие суть одно, то ложное мышление равноправно с истинным мышлением, между ними нет разницы, что невозможно. Ссылаясь на Аристотеля, он заключает, что хотя бытие и мышление не есть одно и то же, но они имеют «сущностное тождество, проявляющееся в самом акте познания» [13, с. 141]. Об абсолютном тождестве мышления и бытия можно говорить только применительно к Богу, но не к человеку, о котором вернее говорить, что его «разум истинен постольку, поскольку постигает вещи такими, каковы они есть» [13, с. 142].

Следующий интересующий нас теоретический момент – это фундирование психической деятельности вообще и сознательной в частности трансцендентной сущностью – Ин-се. Ин-се – это «онтоиндивидуализированная точка опоры, которая в своем воплощении создает также пси-

хическую функцию» [5, с. 28], включающую как сознательную, так и бессознательную психическую деятельность. Термин «Ин-се» или «Онто Ин-се» очень близок понятию человеческой души.

Надо отметить, что онтологическое основание онтопсихологии по сути совпадает с онтологическим основанием неотомистской философии, хотя и с некоторыми, иногда весьма существенными оговорками, как в случае с принятием парменидовской формулы тождества мышления и бытия. Не будем здесь заниматься подробным доказательством этого утверждения, но лишь укажем на то, что и учение о бытии, и концепция истины, и проблема зла, и многие другие философские аспекты онтопсихологического мировоззрения парадигмально идентичны неотомизму.

Радикальное отличие феноменологии Гуссерля и онтопсихологии Менегетти, таким образом, становится очевидным, так как оно обнаруживается как отличие метафизики субстанциального характера от феноменологически трансцендентального «идеализма», о котором подробно истолковано в «Картезианских медитациях» [14, с. 191]. Однако в рамках данной статьи мы заострим внимание только на одной проблеме, показывающей, насколько концептуально различны в своих исходных посылах онтопсихологическое мировоззрение и феноменология.

Носящие аксиоматический характер формулировки, отождествляющие бытие и мышление без каких-либо прояснений и уточнений формулы, с одной стороны, и субстанциально фундируемое психическое, с другой стороны, с неизбежностью должны привести Менегетти (в явной или скрытой форме) к психологизму. Вернее сказать, что принятие данных позиций как оснований для построения антропологии и психологии скорее всего должно допускать фоновую психологистскую установку. Психологизм – это теоретическая позиция, в основе которой лежит примат психического по отношению к логическому или понимание законов логики как психических законов. Признавая тождество бытия и мышления и одновременно полагая, что речь идет о бытии человека и о мышлении человека, Менегетти почти неизбежно придет к релятивизму в том смысле, о котором говорил Гуссерль. Например, в «Онтопсихологической философии» Менегетти пишет: «Все человеческое знание должно принимать во внимание, что априорность мирского Ин-се предшествует всякой логико-объективной априорности: всякое научное познание является психологическим процессом, функциональным для универсальной априорности жизненного мира» [8, с. 200].

Фундирование психического с помощью субстанциальной сущности известным образом затрудняет аналитику познавательных способностей: отделение логики от психологии становится практически неосуществимым. Научкам, имеющим дело с реальной действительностью, таким как психология, для обоснования собственных основ необходимо прибегать к метафизическим построениям (в гуссерлевском смысле), как минимум, допуская существование внешнего мира, одновременно задавая его концептуальную основу.

Во второй главе первого тома «Логических исследований» Гуссерль вводит понятие нормативных теоретических дисциплин: «Такие дисциплины стоят вообще по ту сторону любого индивидуального бытия, их общие положения имеют “чисто понятийную” природу и носят характер законов в подлинном смысле слова» [15, с. 53]. К нормативной теоретической дисциплине относится логика, которая рассматривает мышление «как оно должно быть» [15, с. 62]. Законы в «подлинном смысле слова», по Гуссерлю, – это аподиктически постигаемые истины, к которым можно отнести законы логики и математики. Их следует отличать от законов естественных наук, являющихся, по сути, закономерностями, утверждающими некий порядок вещей, процессов, явлений с высокой, но не абсолютной вероятностью.

Однако положение вещей в науке и философии конца XIX – начала XX в. обстояло таким образом, что влияние эмпирических наук приобрело все более радикальные формы, такие как позитивизм и сциентизм. Позитивизм как выражение редуционистских ориентаций в философии, становился в какой-то степени идеологией, оказывающей влияние на исследования того времени. Необходимость сепарации естественнонаучного и гуманитарного знаний на фоне идеологического доминирования позитивизма в частности и естественно-научного мировоззрения вообще являлось актуальной задачей для философов того времени. Гуссерль, решая в первом томе «Логических исследований» проблему психологизма, одновременно выполнял задачу разделения философии и психологии.

Из психологизма вытекает несколько эмпирических следствий, которые разбирает и опровергает Гуссерль. Нас будет интересовать третье следствие: «Если бы источником сознания логических законов были психологические факты <...> то они сами должны были бы обладать психологическим содержанием, и именно в двояком смысле: они должны были бы быть законами для психического и вместе с тем предполагать, соответственно, включать в себя существование психического» [15, с. 74–75]. Гуссерль опровергает

это утверждение, отмечая, что, во-первых, «ни один логический закон не предполагает непременно какого-либо “matter of fact”, в том числе существования представлений или суждений, или иных феноменов познания», и, во-вторых, что логические законы «ни по своему обоснованию, ни по своему содержанию не предполагают ничего психологического (т.е. фактов душевной жизни) или предполагают их, во всяком случае, не более чем законы чистой математики» [15, с. 75].

С другой стороны эмпирически обоснованные законы имеют фактическое содержание, как минимум, в том смысле, что подразумевают существование самих фактов. Далее уточняется, что точные законы, хотя не заключают в себе утверждений существования, но основания, из которых они получают научное оправдание, суть случающиеся фактически – эмпирические основания. В качестве примера им приводится закон всемирного тяготения.

Менегетти не занимается размышлениями над основами логики или проблемами логики как таковой, однако его теоретическая позиция имплицитно содержит в себе психологизм. Его влияние можно отследить в онтопсихологии через проявления некоторых последствий психологизма, на которые указывал Гуссерль в первом томе «Логических исследований». Менегетти принимает формулу Протагора «человек есть мера всех вещей», хотя и уточняет, что принимается экзистенциальный релятивизм, а не «релятивизм онтический» [16, с. 119]. Однако он придерживается как раз этого экзистенциального релятивизма: «С учетом тезиса Протагора о том, что “человек есть мера всех вещей”, утверждение “человек познает истинное” следует уточнить, в том смысле, что каждый человек познает *собственное* истинное, то как материя жизнь, соотносится с ним» и далее определяет «“истину” как *приведение вещи в соответствие с интеллектом, а не наоборот*» [17, с. 69]. В гуссерлевском представлении такая последовательность мыслей тяготеет к индивидуальному релятивизму, который совершенно не выдерживает критики как только речь заходит о законах логики. Видимо, понимая абсурдность последствий, к которым может привести индивидуальный релятивизм, Менегетти подтверждает универсальность логических законов, дистанцируясь таким образом от индивидуального релятивизма. Однако вопрос о видовом релятивизме или его подвиде – антропологизме, как его называет Гуссерль, остается открытым.

Видовой релятивизм опровергается Гуссерлем. Он, во-первых, указывает на противоречие релятивистской позиции закону противоречия, во-вторых, указывает на противоречивость реля-

тивизма в отношении смысла слов «истинный» и «ложный» и далее критикует такие следствия релятивизма, как придание истине характера единичного факта и противоречивость с очевидностью непосредственно наглядно данного бытия. Находим в «Онтопсихологической философии» у Менегетти: «Математик (и точно так же юрист, моралист, священник, учитель) не выражает “в себе” (in se) реальности, но выстраивает оперативные парадигмы для обобщенных ситуаций. То есть и действие, и контекст выступают в качестве прогнозов, которые становятся опытными структурами мира» [8, с. 200]. Утверждения, подобные этому, с позиции Гуссерля являются одним из эмпирических следствий психологизма, которые он разбирает в четвертой главе «Логических исследований». Критикуя эмпирические следствия психологизма, он подчеркивает, что применительно к законам логики и математики «мы с очевидностью усматриваем не простую вероятность, но истину логических законов. Мы усматриваем основные принципы силлогистики, индукции Бернулли, умозаключения вероятности, общей арифметики и т.п., т.е. мы схватываем в них саму истину; таким образом, теряют всякий смысл слова о сферах неточности, об одних лишь приближениях и т.д. Но если нелепо то, что вытекает как следствие из психологического обоснования логики, то нелепо и само это обоснование» [15, с. 70]. Далее в седьмой главе Гуссерль заключает, что «психологизм во всех своих подвидах и индивидуальных проявлениях есть не что иное, как релятивизм, но не всегда распознанный и открыто признанный. При этом безразлично, опирается ли он на “трансцендентальную психологию” и в качестве формального идеализма надеется спасти объективность познания или опирается на эмпирическую психологию и принимает релятивизм как неизбежный роковой вывод» [15, с. 117].

Исторический контекст, в котором создавались «Логические исследования», конечно, отличается от контекста, в котором рождалась онтопсихологическая теория. Напомним, что «спор о психологизме в немецкой философии следует анализировать в перспективе превращения психологии в самостоятельную научную дисциплину и, соответственно, отделения ее от философии, т.е. в контексте процесса, завершающегося дисциплинарной институционализацией психологии» [15, с. 233]. Отделение психологии от философии происходит, в первую очередь, как отделение эмпирической науки, влекущее за собой обособление предмета исследования, целей и методов ведения исследования.

Действительно, Гуссерль, говоря о психологии, подчеркивает эмпирический характер этой дисциплины. Менегетти движется в другом

направлении: он дистанцируется от экспериментальной психологии, локализуя ее как описательную науку, способную познавать феномены, но не «бытие как таковое». Другими словами, если Гуссерль, стоя у истоков феноменологии, стремится, очищая от метафизического наследия философию и ставя в центр ее внимания сознание, размежевать ее и психологию, то Менегетти, напротив, отталкиваясь от метафизических оснований, возвращается к философской психологии и к той философии, для которой отправной точкой являлось бытие.

Последовательно реализуя свою трансцендентальную редукцию, Гуссерль приходит к пониманию, что необходимо провести различие между методологией дескриптивной психологии, концентрирующейся на исследовании «просто душевной жизни», и методологией трансцендентально-феноменологической: «психологическое и трансцендентально-феноменологическое исследования различаются по самому своему смыслу, хотя содержания, подлежащие описанию с той и другой точки зрения, могут совпадать» [14, с. 48]. При этом Гуссерль подчеркивает, что обе методологии имеют общий источник – *ego cogito*. Менегетти по каким-то причинам игнорирует смысловое отличие психологического исследования от трансцендентально-феноменологического, но совпадение содержания этих двух исследований им воспринимается и, возможно, на этом основании он и утверждает, что Гуссерль теоретически разрабатывал психологию.

В качестве вывода можно утверждать, что направление движения мысли Менегетти расходится с Гуссерлем уже на самых ранних стадиях «пролегоменов» к феноменологии, несмотря на объявление Менегетти феноменологии одной из основ своей теории. Должно быть предпринято более глубокое изучение философских оснований онтопсихологии, выявляющее особенности их соотношения с феноменологией. Кроме того,

через понимание особенностей соотношения этих теорий, их методологических инструментов предполагается возможность раскрытия философско-антропологических перспектив онтопсихологии.

Список литературы

1. Куренной В. С. Феноменология Эдмунда Гуссерля // Э. Гуссерль. Избр. работы / сост. В. А. Куренной. М., 2005. С. 7–22.
2. Власова О. А. Антипсихиатрия : становление и развитие. М., 2006. 221 с.
3. Кучинский Г. М. Феноменологическая психология Э. Гуссерля // Психол. журн. 2010. № 1. С. 14–25.
4. De Vos J. The deadlock of Husserl's life-world : From a critique of psychologism to psychologization // Theory & Psychology. 2012. Vol. 22, iss. 3. P. 324–341.
5. Varga P. A. Psychologism as positive heritage of Husserl's phenomenological philosophy // Studia Phaenomenologica. 2010. Vol. 10. P. 324–341.
6. Rimkevicius P. Psychologism, relativism and self-refutation in Husserl's prolegomena // Problemos. 2016. Vol. 89. P. 153–166.
7. Ramos-Gorostiza P., Adan-Manes J. The problem of psychopathology and phenomenology. What is viable and not viable in phenomenological psychiatry // Actas Espanolas de psiquiatria. 2013. Vol. 41, iss. 5. P. 301–310.
8. Менегетти А. Онтопсихологическая философия. М., 2007. 310 с.
9. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии. М., 1997. 592 с.
10. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии / изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2007. 608 с.
11. Гуссерль Э. Парижские доклады // Э. Гуссерль. Избр. работы / сост. В. А. Куренной. М., 2005. С. 341–376.
12. Менегетти А. От сознания к бытию. М., 2010. 412 с.
13. Маритен Ж. Избранное : величие и нищета метафизики. М., 2004. 608 с.
14. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М., 2010. 229 с.
15. Гуссерль Э. Логические исследования : в 2 т. Т. I : Прологомены к чистой логике. М., 2011. 253 с.
16. Менегетти А. Основы философии. М., 2007. 268 с.
17. Менегетти А. Интеллект и личность. М., 2006. 224 с.

Образец для цитирования:

Благовестный М. Б. Влияние феноменологии Э. Гуссерля на онтопсихологическую теорию А. Менегетти // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 4–10. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-4-10.

The Influence of Husserl's Phenomenology on the Ontopsychological Theory of Meneghetti

M. B. Blagovestniy

Mikhail B. Blagovestniy, Urals Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, 51, Lenina Str., Ekaterinburg, 620083, Russia, pelennor@mail.ru

There is an attempt to recover the logic of perception of the heritage of E. Husserl's phenomenological philosophy by A. Meneghetti as creator

of the ontopsihological theory, presented in article. It emphasizes the importance of E. Husserl's criticism of psychologism for the subsequent development of psychology and philosophy. It discusses the specifics of the Cartesian understanding of the relation between consciousness and human existence by ontopsihology and phenomenology. From the basis of the interdisciplinary research, which undertaken by Husserl, especially based on his solution of psychologism problem, certain positions of the ontopsihological theory are analyzed. Process of analysis reveals contradictions, which are these provisions in relation to such basics propositions of phenomenology as method of phenom-

enological reduction, the criticism of psychologism, transcendental ego. Through the accepting by Meneghetti of Parmenides formula of the identity of thinking and being, reveals the metaphysical specifics of onto-psychological conception. Owing to Husserl's thesis about relativistic consequences, stemming from the psychological position on logic, there opens a possibility for deeper reading of the onto-psychological theory. Through the tendency toward relativism, inherent in onto-psychology, proved the influence of psychologism on the theory of A. Meneghetti. Based on the analysis in the article conclusion about differences between phenomenology and onto-psychology in the very foundations of these theories.

Keywords: phenomenology, problem of consciousness, phenomenological reduction, onto-psychology, psychologism, individual relativism, species-specific relativism.

References

1. Kurennoy V. S. Fenomenologiya Edmunda Husserlya [The phenomenology of Edmund Husserl]. In: Husserl E. *Izbr. raboty* [Selected works]. Compiler V. A. Kurennoy. Moscow, 2005, pp. 7–22 (in Russian).
2. Vlasova O. A. *Antipsikhiatriya: stanovlenie i razvitie* [Antipsychiatry: formation and development]. Moscow, 2006. 221 p. (in Russian).
3. Kuchinskiy G. M. Fenomenologicheskaya psikhologiya E. Gusserlya [The phenomenological psychology of E. Husserl]. *Psihol. zhurn.* [Psychological journal], 2010, no. 1, pp. 14–25 (in Russian).
4. De Vos J. The deadlock of Husserl's life-world: From a critique of psychologism to psychologization. *Theory & Psychology*, 2012, vol. 22, iss. 3, pp. 324–341.
5. Varga P. A. Psychologism as positive heritage of Husserl's phenomenological philosophy. *Studia Phaenomenologica*, 2010, vol. 10, pp. 324–341.
6. Rimkevicius P. Psychologism, relativism and self-refutation in Husserl's prolegomena. *Problemos*, 2016, vol. 89, pp. 153–166.
7. Ramos-Gorostiza P., Adan-Manes J. The problem of psychopathology and phenomenology. What is viable and not viable in phenomenological psychiatry. *Actas Espanolas de psiquiatria*, 2013, vol. 41, iss. 5, pp. 301–310.
8. Menegetti A. *Filosofia onto-psicologica*. Roma, 2002. 310 p. (Russ. ed.: Menegetti A. *Ontopsikhologicheskaya filosofiya*. Moscow, 2007. 310 p.).
9. Menegetti A. *Manuale di Ontopsicologia*. Roma, 1995. 592 p. (Russ. ed.: Menegetti A. *Uchebnik po ontopsikologii*. Moscow, 1997. 592 p.).
10. Menegetti A. *Manuale di Ontopsicologia*. Roma, 2003. 608 p. (Russ. ed.: Menegetti A. *Uchebnik po ontopsikologii*. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, 2007. 608 p.).
11. Husserl E. *Pariser Vorträge. Husserliana*. Haag, 1950. Bd. I. S. 3–39. (Russ. ed.: Husserl E. *Parizhskie doklady*. In: Husserl E. *Izbr. raboty*. Sost. V. A. Kurennoy. Moscow, 2005, pp. 341–376).
12. Menegetti A. *Dalla coscienza all'essere*. Roma, 2009. 412 p. (Russ. ed.: Menegetti A. *Ot soznaniya k bytiyu*. Moscow, 2010. 412 p.).
13. Maritain J. *De la verite (1922). Oeuvres (1912–1939)*. Paris, 1975, pp. 113–130. (Russ. ed.: Maritain Z. *Izbrannoe: velichie i nischeta metafiziki*. Moscow, 2004. 608 p.).
14. Husserl E. *Cartesiansche meditationen*. Haag, 1950. 229 p. (Russ. ed.: Husserl E. *Kartezianskie meditatsii*. Moscow, 2010. 229 p.).
15. Husserl E. *Logische untersuchungen. Erster band. Prolegomena zur reinen Logik*. Halle, 1900. 253 p. (Russ. ed.: Husserl E. *Logicheskie issledovaniya: v 2 t. T. I. Prolegomeny k chistoy logike*. Moscow, 2011. 253 p.).
16. Menegetti A. *Fondamenti di Filosofia*. Roma, 2005. 268 p. (Russ. ed.: Menegetti A. *Osnovy filosofii*. Moscow, 2007. 268 p.).
17. Menegetti A. *Intelletto e personalita*. Roma, 2005. 224 p. (Russ. ed.: Menegetti A. *Intellekt i lichnost*. Moscow, 2006. 224 p.).

Cite this article as:

Blagovestniy M. B. The Influence of Husserl's Phenomenology on the Ontopsychological Theory of Meneghetti. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 4–10. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-4-10.